

Кукуша

**Клава –
чёрная дыра**

Кукуша Кукуша

Клава – чёрная дыра

<https://litres.ru/74084171>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — чёрная дыра. Он — гость из пра-вселенной. Их встреча изменит всё.

Москва, 1986 год. Клава Звёздная — гений на физфаке МГУ. Студенты боятся её интеллекта и называют «Чёрной Дырой»: она вытягивает в себя любую информацию и не выпускает обратно. На лекции в парке Горького Клава слышит вопрос: «Когда погаснет Солнце?» — и понимает: человек, задавший его, — не с Земли.

Его зовут Астро. Он утверждает, что наша Вселенная находится внутри чёрной дыры, и приводит шесть аргументов. Главное не в этом. Главное — выбор. Он предлагает Клаве: забыть правду и прожить обычную жизнь, принять его структуру и стать бессмертным существом без личности — или помнить всё и умереть с этой ношей.

Она выбирает трагедию. И следующие шестьдесят семь лет носит в левой руке маленькую сингулярность — память о существе, которое пришло из-за горизонта событий и оставило ей не проклятие, а дар.

Это роман о цене знания, о выборе дороже бессмертия и о девушке, которая стала чёрной дырой, чтобы не предать себя.

Кукуша

Клава – чёрная дыра

Глава 1. Горизонт событий

Часть первая. Плотность

Сентябрь 1986 года. Парк Горького пах прелыми листьями, дефицитным шашлыком и свободой, которой в Советском Союзе никогда никто не замечал, но которая почему-то концентрировалась именно здесь, между аллеями, где можно было слушать магнитофон «Мираж» и никто не сделает замечание.

Клава Звёздная сидела на третьем ряду складных стульев.

На втором курсе физического факультета МГУ её называли «Чёрной Дырой» — за способность безвозвратно втягивать в себя любую информацию и не выпускать обратно ни одного кванта смысла. На самом деле прозвище родилось после того, как на семинаре по термодинамике она поправила профессора — вежливо, с цитатами из оригинальной статьи Больцмана на немецком. Профессор обиделся. Студенты восхитились. А Клава просто не понимала, как можно молчать, если знаешь правильный ответ.

Она была маленькой, угловатой, с толстыми стёклами очков, которые вечно сползали на кончик носа, и вечно оттопыренным карманом джинсовой куртки — там лежал замызганный блокнот, в котором она считала свои собственные,

ещё не опубликованные уравнения. Косичка, стянутая резинкой, торчала вбок, как вектор Пойнтинга.

Её не любили. Или любили слишком странно, чтобы это можно было назвать человеческим теплом.

Лекция общества «Знание» называлась громко: «Солнце — наша жизнь, наша смерть, наша надежда». Лектор — плотный, с усами а-ля Брежнев, в сером костюме, который помнил ещё застой, — с энтузиазмом размазывал указкой по ватману схему строения звезды.

— Ядро. Температура пятнадцать миллионов градусов. Давление — сто миллиардов атмосфер. Протон-протонный цикл. Водород горит. Гелий копится. Через пять миллиардов лет Солнце станет красным гигантом, сожжёт Землю, а затем остынет белым карликом, — голос лектора был ровным, как асфальт на Ленинском проспекте.

Клава слушала краем уха — нет, она уже знала это наизусть, лучше, чем «Отче наш», который никогда не учила, потому что в Бога не верила, но уважала как гипотетическую метафору. Ей нравилась атмосфера: запах озона от старых динамиков, скрип указки по ватману, бабушки в платочках, которые кивали в такт словам «термоядерный синтез», делая вид, что понимают.

И ещё — акустика.

Вот тут-то Клава и напряглась.

Она сидела и вдруг поняла: звук затухал странно. Не так, как в обычном парке с деревьями, людьми и влажным возду-

хом. Звук затухал *правильно* — но правильность была пугающей. словно пространство вокруг сцены обладало избыточной кривизной. словно кто-то невидимый расставил вдоль аллеи звукопоглощающие экраны с коэффициентом отражения, рассчитанным по формуле Шрёдингера.

Клава сняла очки, протёрла их подолом свитера, надела обратно.

Акустика не изменилась.

— Странно, — прошептала она себе под нос. Никто не услышал. Кроме, возможно, мужчины, который стоял у правого края сцены и которого Клава заметила только сейчас.

Откуда он взялся?

Секунду назад там никого не было. Клава готова была поклясться. Она всегда замечала людей — это было частью её природы, патологическим вниманием к деталям, которые другим казались шумом. И вот — пустота. И вдруг — человек.

Он был не просто красив. Он был *неправильно* красив.

Клава, как физик, привыкла к тому, что симметрия в природе — это редкость. Абсолютная симметрия — это смерть. Идеальный шар не существует, идеальный кристалл не вырастает, идеальное лицо — это либо патология, либо компьютерная графика. А тут: пропорции лица — с точностью до десятых долей процента. Расстояние между зрачками — ровно в два с половиной раза больше ширины ноздрей. Угол наклона бровей — 23,5 градуса, как наклон земной оси.

Случайность?

Клава мысленно прикинула вероятность. Она получилась смехотворно малой. Порядка 10%.

Мужчина был одет в тёмно-синий болоньевый плащ — дешёвый, советский, такие продавали в «Берёзках» за чеки. Лицо — как с вышедшего из моды журнала «Огонёк», аккуратно выбритое, с лёгкой щетиной, которая выглядела не небрежностью, а *продуманной* небрежностью. Но глаза... глаза жили в другой временной шкале. Они были глубокими, с радужкой такого оттенка серого, который Клава видела только на спектрограммах далёких звёзд — слишком холодный, чтобы быть человеческим.

Она не могла оторвать взгляд.

И тут он заговорил.

Голос был бархатный, с лёгкой хрипотцой — нечеловечески модулированный. Нижние частоты — идеальные резонансы грудной клетки. Верхние — с лёгким свистом, который делал речь неуловимо *другой*. Так мог бы говорить человек, который выучил русский язык по учебнику, но никогда не слышал живого разговора.

— Подскажите, пожалуйста, — обратился он к лектору. Голос звучал вежливо, но с ноткой, от которой по спине Клавы пробежали мурашки размером с горошины. — Через сколько миллионов лет, вы сказали, угаснет наше Солнце, и жизнь на Земле прекратится?

Лектор устало поправил очки. Ему этот вопрос показался глупым. Бабушкам в первом ряду — тоже.

— Через несколько миллиардов, гражданин.

— Ах, слава Богу! — мужчина прижал руку к груди. Жест выглядел отрететированным, но не театральным — скорее биологическим рефлексом существа, которое недавно выучило, что здесь, на этой планете, принято прижимать руку к груди в знак облегчения. — То есть главное — всё научно проверено. А то мне послышалось — миллионов лет.

Он улыбнулся. Улыбка была слишком широкой. Слишком открытой. Слишком... *неестественной*.

Лектор хмыкнул. Аудитория заулыбалась. Бабушки закивали: дескать, вот чудак, ослышался, бывает.

А Клава Звёздная почувствовала, как внутри неё, там, где у нормальных людей желудок, а у неё — вечно голодная сингулярность, что-то *щёлкнуло*.

Она прокрутила в голове последние три минуты разговора. Перемотала мысленную запись. Лектор произнёс «несколько миллиардов лет» трижды: в начале, в середине и в конце. Мужчина не мог ослышаться. Он был слишком внимателен. Слишком сфокусирован. Слишком *точен*.

Он не ослышался.

Он протестировал лектора.

Он хотел узнать, что ответит земной учёный, если ему задать неправильный вопрос.

А потом он продемонстрировал облегчение — «слава Богу» — хотя любой студент-первокурсник знал, что разница между миллионами и миллиардами — это разница между

жизнью и смертью цивилизации. Ни один нормальный человек не стал бы вздыхать «слава Богу», услышав, что у него есть несколько миллиардов лет вместо нескольких миллионов. Нормальный человек сказал бы: «А, ну тогда ладно».

«Слава Богу» было слишком эмоционально.

Слишком *театрально*.

Клава встала.

Стул скрипнул. Кто-то обернулся, но она уже не видела лиц. Она видела только спину мужчины в синем плаще, который медленно, с видом человека, гуляющего по выставке достижений народного хозяйства, направился в сторону фонтана.

Она пошла за ним.

Не думая. Не анализируя. Впервые в жизни, наверное, отключив ту самую «Чёрную Дыру», которая всегда требовала расчётов и доказательств. Просто — пошла.

Потому что поняла: то, что она только что услышала, не было глупой перепалкой.

Это был первый контакт.

Часть вторая. Радиус Шварцшильда

Она ждала под старой липой, пока мужчина медленно, с каким-то *дегустационным* удовольствием, разглядывал бронзовый фонтан «Дружба народов». Он не спешил. Время для него, казалось, было просто ещё одним измерением, которое он позволяет себе игнорировать.

— А вы давно живёте на планете Земля? — спросила Кла-

ва, вставая так, чтобы он не мог уйти в сторону аллеи. Голос её прозвучал ровно, но внутри всё дрожало. Дрожала не она — дрожал сам воздух вокруг неё, словно пространство возмущалось её решительностью.

Мужчина обернулся. Бровь поднялась ровно на два миллиметра — идеальная асимметрия, проверить бы транспортом.

— Простите?

— Вы слышали, — Клава не моргнула. В ней проснулась та самая «Чёрная Дыра», которую боялись даже на кафедре теоретической физики. Прозвище, которое она ненавидела, вдруг стало бронёй. — Почему вы скрываете, что являетесь жителем инопланетной Вселенной? Сколько вам лет?

Мужчина оторопел.

Это было то, чего Клава никак не ожидала увидеть на этом лице — растерянность. Искренняя, не поддельная. Впервые за пять минут его лицо потеряло ту жуткую кинематографичную гладкость. Мышцы дрогнули. Зрачки расширились — чуть-чуть, на долю миллиметра, но Клава заметила.

Он посмотрел на неё так, словно она только что прочитала вслух его пароль от звездолёта.

— Значит, — медленно сказал он. Голос изменился. Пропала хрипотца. Пропала бархатистость. Голос стал *обыкновенным* — и от этой обыкновенности стало ещё страшнее. — Значит, ты всё-таки слышишь.

Он оглянулся по сторонам. Парк гудел своей жизнью: де-

ти ели мороженое, пенсионерки ругали власть, какой-то студент в выцветшей джинсовке играл на гитаре «Кафе «Саардам»». Никто не слушал их разговор. Никто *не мог* его слушать.

Потому что они стояли в акустической тени. Клава только сейчас это осознала: звук сюда почти не проникал. Как за горизонт событий — информация оттуда не возвращалась.

— Пойдём, — сказал он. — Я угощаю тебя чешским пивком с креветками. Там, у павильона. Знаешь, где это?

Клава кивнула. Она знала. Каждый студент физфака знал, где в парке наливают лучшее «Велкопоповицкий козел».

— Ты не представляешь, Клава, как давно я не говорил на родном языке, — добавил он тихо.

Клава замерла.

— Я не называла вам своего имени, — сказала она. Ледяные мурашки теперь были повсюду — от пяток до макушки. Кожа на руках покрылась гусиной сыпью.

Мужчина вздохнул. Вздох был длинным, как время жизни красного карлика.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Ты назвала. Только не в этой реальности. Ну, идём? Времени у нас — формально — вагон. Хотя на самом деле его нет вообще.

И он пошёл вперёд, не оборачиваясь. Клава — за ним. Потому что выбора у неё не было. С того момента, как она услышала «миллионов лет», выбор исчез. Она уже была внутри его гравитационного колодца.

Осталось только упасть.

Часть третья. Пиво и креветки как метафора горизонта

За пластиковым столиком у павильона пахло пивом — тёплым, хмельным, с горчинкой, которая была так знакома московским студентам, и жареными в масле креветками. Запах настолько земной, настолько *советский*, что Клава почти успокоилась.

Почти.

Мужчина сидел напротив, лениво помешивая в бокале пену. Свет от лампочки над павильоном падал на его лицо так, что тени ложились неправильно — не по законам геометрической оптики. Клава мысленно проверила: расстояние до источника, угол падения, коэффициент преломления воздуха. Всё сходилось. Но тени всё равно лежали *не так*.

«У него другая плотность, — вдруг подумала она. — Или другое пространство-время вокруг тела».

Он не пил. Просто смотрел на пену, как на голограмму.

— Теперь моя очередь, — сказал он. И задал ей те же вопросы, только наоборот:

— Как давно ты живёшь на Земле, Клава? Почему ты скрываешь, что ты — из другой Вселенной? И сколько тебе лет? Только честно.

Клава выпрямилась. Очки снова сползли на кончик носа. Она водрузила их на место — жест, который на лекциях всегда предшествовал уничтожению оппонента.

— Я родилась в Москве, на улице Вавилова, в роддоме номер 6. Мать — инженер-конструктор в НПО «Энергия». Отец — таксист, бывший военный. В детстве я перечитала всю домашнюю библиотеку по физике — от Ландау до Фейнмана. В восьмом классе выиграла городскую олимпиаду по астрономии. В десятом — всесоюзную по физике. Поступила на физфак МГУ со средним баллом 4,98. Сейчас на втором курсе, специализация — теоретическая астрофизика, научный руководитель — профессор Захаров, кафедра общей физики. Земля — мой дом. И я никогда не была нигде, кроме этой планеты.

Она сказала это быстро, чётко, как доклад на семинаре. И с вызовом посмотрела на него.

Он выслушал её с выражением бесконечной усталости взрослого, который слышит детскую сказку в сотый раз. Глаза его при этом смотрели куда-то сквозь неё — в точку за горизонтом, где, возможно, находилась настоящая правда.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь я расскажу тебе, почему ты ошибаешься. Но сразу предупрежу: я не буду доказывать. Доказательства — это религия материалистов. Я просто предоставлю тебе аргументы. Шесть аргументов. А ты выберешь — где здесь, правда, а где вымысел.

Он отставил бокал. Креветки остывали. Вокруг галдели московские студенты, продавец кричал «Кому ещё креветок!», где-то играл «Ласковый май». Мир был неумолимо реален, пах жареным маслом и потом.

И этот мир начал рассыпаться.

Часть четвёртая. Шесть аргументов

— Аргумент первый: космологическая сингулярность, — начал он, и голос его вдруг приобрёл ту самую, бархатную хрипотцу — но теперь Клава понимала: это не актёрство. Это была память. Голос тосковал по настоящему языку. — Ты знаешь, что сингулярность — это не реальность. Это предел применимости наших теорий. Это место, где общая теория относительности ломает зубы. В классической картине, всё, что падает в чёрную дыру, необратимо устремляется к сингулярности. Плотность — бесконечность. Кривизна — бесконечность. Конец.

Он взял креветку, но не съел — просто подержал в пальцах.

— Но что если сингулярность — это не конец, а начало? Что если то, что для внешнего наблюдателя выглядит как коллапс в чёрную дыру, внутри неё выглядит как Большой взрыв?

Клава хотела возразить, но он поднял ладонь.

— Аргумент второй: теория Эйнштейна — Картана. Ты читала?

Она кивнула. С трудом.

— Тогда ты знаешь: в этой теории пространство-время не только искривляется, но и закручивается. Кручение — торсия — порождается спином материи. В экстремальной плотности, за горизонтом событий, это кручение создаёт гигант-

ское отталкивание. Коллапс останавливается. И начинается расширение. Никакой бесконечности. Отскок.

Клава вцепилась в пластиковый стакан так, что он хрустнул.

— Ты хочешь сказать, что чёрная дыра — это не яма, а *матка*?

— Именно, — он улыбнулся, но без радости. — Каждая чёрная дыра — внутри себя рождает новую вселенную. А наша Вселенная, скорее всего, родилась внутри чёрной дыры предыдущей.

Тишина. Креветка упала с его пальцев обратно в тарелку.

— Аргумент третий: горизонт событий и космологический горизонт, — продолжал он, не давая ей опомниться. — Скажи, Клава, ты видишь край своей Вселенной?

— Нет, — ответила она механически. — Наблюдаемая Вселенная имеет диаметр около 93 миллиардов световых лет. Дальше — космологический горизонт.

— А что за горизонтом?

— Не знаю. Никто не знает. Свет оттуда не идёт. Расширение пространства разрывает любую связь.

— Вот именно, — он постучал пальцем по столу. — Прямо как за горизонтом событий чёрной дыры. Ничто не может выйти наружу. Ни свет, ни информация, ни дурак с гитарой.

Клава молчала. Потому что он был прав.

— Аргумент четвёртый: стрела времени, — сказал он. — За горизонтом событий движение возможно только в одну

сторону — внутрь. Нельзя развернуться и выйти. Это создаёт асимметрию между прошлым и будущим. Ты знаешь, что такое термодинамическая стрела времени?

— Энтропия растёт, — прошептала Клава.

— А почему она растёт? Потому что у Вселенной есть начальное состояние с низкой энтропией. А почему оно было низким? Потому что наша Вселенная родилась из коллапса, который упорядочил материю. Коллапс в чёрную дыру — это самый эффективный в природе упорядочиватель. Он создаёт стрелу времени. И мы живём внутри неё.

— Аргумент пятый: вращение, — он обвёл рукой небо, которого не было видно за кронами лип. — Все чёрные дыры вращаются. Потому что вещество, падающее в них, обладает угловым моментом. Вращающаяся чёрная дыра имеет ось. Если новая Вселенная рождается внутри такой дыры, она должна унаследовать память об этой оси. Тогда в распределении галактик должна быть слабая анизотропия. И ты знаешь, что недавно «Джеймс Уэбб» обнаружил?

— Читала, — голос Клавы сел. — Галактик, вращающихся в одном направлении, оказалось больше, чем в другом.

— Случайность?

— Не знаю.

— Я знаю, — он усмехнулся. — Это не случайность. Это остаточное излучение от родительской чёрной дыры. Мы вращаемся все вместе, потому что наша Вселенная — дитя вращения.

Он замолчал на секунду. Шестой аргумент повис в воздухе, как нож гильотины.

— Аргумент шестой: информационный. Ты слышала о голографическом принципе?

— Ещё бы, — буркнула Клава. — Все информация о трёхмерном объёме может быть закодирована на его двумерной границе.

— Верно. Чёрная дыра — идеальный голографический проектор. Вся информация о том, что упало внутрь, остаётся на горизонте событий в виде битов энтропии. А внутри разворачивается новая вселенная — как голограмма, спроецированная с границы. Мы, Клава, — голограмма. Очень качественная. С пивом и креветками.

Он откинулся на спинку пластикового стула. Стул жалобно скрипнул.

— Шесть аргументов, — сказал он. — Ни одного прямого наблюдения против. И один косвенный — ты сидишь напротив меня и не можешь сказать, где я неправ.

Клава сидела не двигаясь. В голове её, как в разгоняющемся коллайдере, сталкивались частицы знания. Она видела дыры в его логике. Она знала, где можно придрататься — к экстраполяции теорий за пределы их применимости, к некорректному отождествлению математической аналогии с физической реальностью, к десятку логических уязвимостей. Но губы не слушались.

Потому что главная уязвимость была не в его аргументах.

Она была в ней самой.

Она *хотела*, чтобы он оказался прав.

Вот это было страшно.

Часть пятая. Сингулярность личности

— Вы сумасшедший, — сказала Клава очень тихо. — Нет, серьёзно. Это клиника. Кащенко. Шестая палата.

— Возможно, — согласился он без тени обиды. — Но в мире, который сам родился из сингулярности, безумие — единственно адекватная реакция на реальность. Если ты встретила человека, который помнит Большой взрыв, нормальность — это симптом болезни.

— А вы помните? — Клава подняла на него глаза. — Большой взрыв?

Мужчина помолчал. Долго. Так долго, что успело стемнеть ещё на полтона.

— Это как спрашивать рыбу, помнит ли она воду, — наконец сказал он. — Я не помню Большой взрыв. Я — Большой взрыв. В свернутом виде. Внутри меня, как внутри чёрной дыры, свернуты все возможные миры. Я просто выбрал этот. Потому что здесь были вы.

Он кивнул на Клаву.

— Что вам от меня нужно? — спросила она. Голос дрогнул. Впервые за вечер.

— Ничего, — он пожал плечами. — Я просто иду. Через вашу Вселенную. Как нейтрино сквозь свинцовую плиту. В основном — не замечая. А ты... ты слышала. Ты единствен-

ная за двадцать три года моей прогулки по Москве, кто услышал *неправильность*. Твоя голова — как чёрная дыра, Клава. Ты втягиваешь в себя то, что другие не видят. И не выпускаешь. Поэтому мы и встретились.

Он встал. Болоньевый плащ шевельнулся — без ветра.

— Я пойду, — сказал он. — А ты думай. Шесть аргументов. Завтра в это же время — здесь. Если захочешь продолжения.

Клава хотела сказать: «А если не захочу?».

Но не сказала.

Потому что они оба знали правду.

Она уже за горизонтом.

Часть шестая. Послесвечение

Он ушёл.

Клава осталась сидеть за пластиковым столиком. Пиво выдохлось. Кроветки съели мухи, которые налетели откуда-то из будущего. Лампочка над павильоном мигала с частотой 50 герц — сетевые наводки, ничего необычного.

Но всё было необычно.

Она вынула блокнот. Руки дрожали. Она написала: «1. Сингулярность \neq конец. 2. Кручение Эйнштейна — Картана. 3. Горизонт событий = космологический горизонт. 4. Стрела времени из коллапса. 5. Анизотропия вращения. 6. Голографический принцип».

А потом, ниже, жирной линией: «КТО ОН?»

И ещё ниже, почти неразборчиво, потому что ручка кон-

чилась, а запасной не было — а Клава никогда не носила с собой запасную ручку, потому что считала, что надеяться на запасную ручку — это признак слабой математической подготовки:

«А если он прав?»

За липами садилось солнце. Ложное светило, которое, по его словам, угаснет через несколько миллиардов лет. Но внутри чёрной дыры — где время течёт иначе — возможно, это произойдёт уже завтра.

Клава Звёздная, «Чёрная Дыра», студентка второго курса физического факультета МГУ, сидела одна в осеннем парке, и впервые в жизни ей было страшно не потому, что она чего-то не понимала.

А потому, что она начинала понимать слишком много.

Она закрыла блокнот. Спрятала в оттопыренный карман джинсовой куртки. Поправила очки.

И прошептала в темноту:

— Завтра.

Парк Горького молчал. Но Клаве показалось — на секунду, — что молчание это было *осмысленным*. Как будто само пространство прислушивалось к ней.

Она встала. Пошла к выходу.

И где-то на полпути к метро ей вдруг стало ясно, что она не помнит, как выглядит лицо этого человека.

Вообще.

Ни одной черты.

Только глаза — слишком холодные, чтобы быть человеческими.

И шесть аргументов, которые теперь будут жечь её изнутри, как чёрная дыра — жечь изнутри, не выпуская наружу.

«Добро пожаловать в настоящую реальность, Клава», — сказал он.

Или — прощай.

В парке зажглись фонари.

Глава вторая. Термодинамика отчаяния

Часть первая. Энтропия быта

Клава Звёздная не спала три ночи.

Это не было преувеличением и не было женской истерикой — это было физическое состояние, которое она фиксировала с точностью хронометра. Сорок восемь часов без сна. Плюс семь часов дремы в поезде метро «Университет» — «Парк культуры», когда она случайно заснула на обратном пути и проехала свою станцию три раза. Если считать эти семь часов полусна — всё равно недостаточно для функционирования коры головного мозга в штатном режиме.

Но её кора работала в режиме перегрузки.

Комната в общежитии на проспекте Вернадского, которую она делила с двумя однокурсницами, была завешана простынями — это называлось «зонирование пространства», а на деле было попыткой скрыть от окружающих, что ты пишешь на стенах формулы несмываемым маркером. Лена, сокурсница по кафедре оптики, уже привыкла к тому,

что Клава иногда бормочет во сне уравнения Шрёдингера. Таня, будущий инженер-ядерщик, ставила на тумбочку стакан с водой — на случай, если Клава проснётся в холодном поту после кошмара о сингулярности.

В ту ночь Клава не спала. Она сидела на кровати, поджав ноги по-турецки, и смотрела в окно. За окном светились окна соседнего общежития — сотни жёлтых квадратов, каждый из которых был чьей-то жизнью. Каждый — вселенной со своей термодинамикой, своими энтропийными стрелами, своими непрожитыми днями.

«А что если каждая комната — это чёрная дыра?» — подумала она и тут же себя одёрнула.

— Нет, Клава. Стоп. Ты не должна думать об этом. Ты должна готовиться к коллоквиуму по квантовой электродинамике.

Она открыла конспект Фейнмана. Буквы прыгали.

«Шесть аргументов», — лезло в голову. — «Сингулярность. Кручение. Горизонт. Стрела. Вращение. Голограмма».

Она захлопнула конспект.

— Он не прав, — сказала она вслух. — Он не может быть прав. Это бред сумасшедшего, который начитался попаданцев и Поппера.

Таня зашевелилась за простынёй.

— Клава, ты опять разговариваешь сама с собой?

— Я разговариваю с небом, — буркнула Клава. — Оно

умнее.

Таня хмыкнула и перевернулась на другой бок.

Клава натянула джинсы, сунула ноги в кеды — левый шнурок был длиннее правого на два сантиметра, она это заметила, но не стала поправлять, потому что асимметрия была частью мира — и выскользнула в коридор.

Общага ночью пахла борщом, дешёвым табаком и отчаянием. Клава прошла мимо кухни, где кто-то горько плакал под песню «Машины времени», и вышла на улицу.

Сентябрьская Москва была холодна. Небо — чистое, звёздное, наплевательское.

Она посмотрела на звёзды. И впервые в жизни не увидела в них ничего, кроме чёрных дыр.

Часть вторая. Кафедра

Утром она пришла на кафедру общей физики за два часа до первой пары.

Профессор Захаров — её научный руководитель, седой, с лицом человека, который видел сталинские лагеря и всё равно сохранил веру в физику — сидел в своём кабинете и пил чай с барбарисом.

— Клава, — сказал он, не поднимая головы. — Ты чего в бога в семь утра?

— Вопрос, профессор, — Клава плюхнулась на стул напротив. — Можно задать вам вопрос, который не имеет отношения к учёбе?

— Все вопросы имеют отношение к учёбе, если ты физик,

— он поднял глаза. — Валяй.

— Вы верите в то, что наша Вселенная может находиться внутри чёрной дыры?

Захаров поставил стакан. Чайное стекло звякнуло о подстаканник с изображением Ленина.

— Интересный у тебя запрос на семь утра, — сказал он. — Это что, новая тема для курсовой?

— Нет. Это... личное.

Захаров помолчал. Он был достаточно умён, чтобы не задавать лишних вопросов, и достаточно стар, чтобы понимать: иногда студенты приходят с вопросами, которые важнее дипломов.

— Слушай сюда, Клава, — сказал он. — Теория Эйнштейна — Картана — это не мейнстрим. Но это не значит, что она неправильная. Мейнстрим в физике — это толпа, которая бежит туда, куда легче. А настоящие открытия делаются на обочине.

— То есть вы допускаете?

— Я допускаю, что ты прочитала умную статью и теперь хочешь казаться глубокой. — Он усмехнулся. — Но если серьёзно... У этой гипотезы есть одна проблема, которую никто не может решить.

— Какая?

Захаров откинулся на спинку стула.

— Масштаб. Понимаешь, если наша Вселенная внутри чёрной дыры, то родительская чёрная дыра должна иметь

массу... колоссальную. На много порядков больше, чем всё, что мы наблюдаем. Мы не видим таких объектов. И не видим, как наша Вселенная могла бы вписаться в такую дыру без нарушения наблюдательных данных.

Клава задумалась.

— А если эта родительская чёрная дыра — не в нашей Вселенной? Если она в другой, и её горизонт событий — это наш космологический горизонт?

Захаров посмотрел на неё долгим взглядом.

— Это, Клава, — сказал он, — уже не физика. Это метафизика. Или поэзия. Я не знаю, как проверить то, что находится за пределами наблюдаемой Вселенной. Никто не знает.

Он допил чай. Поставил стакан.

— Но знаешь, что я тебе скажу? Если эта гипотеза заставила тебя не спать три ночи — это уже хорошо. Физика не для спокойных людей. Физика для тех, кто не может уснуть, потому что думает о сингулярности.

Клава встала.

— Спасибо, профессор.

— Иди, — он махнул рукой. — И прекрати разговаривать сама с собой. Таня жалуется.

Она вышла. В коридоре было пусто и пахло мелом. И только там, у выхода, она вдруг поняла: Захаров не ответил на её вопрос. Он ушёл от ответа. Профессионально, изящно, по-научному.

Он тоже боялся.

Часть третья. Библиотека имени Ленина

В три часа дня Клава сидела в читальном зале РГБ. Перед ней лежали три статьи: оригинальная работа Картана 1922 года, обзор по эйнштейновской теории кручения и недавняя публикация Смолина в журнале «Успехи физических наук» за 1984 год.

Она читала быстро, жадно, заглядывая формулы, как кривые в парке. Глаза болели. Очки запотевали.

Статья Смолина содержала фразу, которая заставила её замереть:

«Если принять гипотезу о том, что коллапс массивной звезды приводит не к сингулярности, а к рождению новой вселенной, то каждая чёрная дыра становится естественным кандидатом на роль космологического "репликатора". В этом случае наша собственная Вселенная с высокой вероятностью сама является продуктом такого коллапса в пра-вселенной. Наблюдаемая анизотропия реликтового излучения может быть остаточным следом асимметрии родительской чёрной дыры».

Клава обвела эту фразу красной ручкой. Потом — синей. Потом просто уставилась на неё.

«Он не придумал это сам, — подумала она. — Он прочитал ту же статью. Или... он сам — автор?»

Она посмотрела на часы. Было половина четвёртого. Встреча в парке Горького назначена на шесть.

Она закрыла книгу. И вдруг заметила, что на обложке —

чужой след. Отпечаток пальца. Не её. Чей-то ещё.

Отпечаток был странным: папиллярные линии шли не по спирали, как у людей, а по гиперболе. Как если бы этот палец рос в пространстве с отрицательной кривизной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.